

Пришла долгожданная весна. Было воздвигнуто святилище павших воинов, и армия Ци, собрав свои силы, отправилась в обратный путь к северным рубежам.

Император устроил пышный прощальный пир, в честь которого пожаловал генералу Ци Шэню титул главнокомандующего Северным походом, доверив ему вести за собой десятки тысяч пограничных воинов.

Святилище воинов возвели совсем рядом с храмом Защиты Государства. По воле императора вдовствующая императрица Сяо, а также многочисленные принцы, наложницы и родственники высокопоставленных сановников должны были посетить храм Защиты Государства, дабы вознести молитвы о благополучии и указать путь домой тысячам павших героев. Однако именно в этот момент наследный принц из-за совершённого им проступка оказался под домашним арестом. Ему было строго запрещено покидать пределы дворца даже ради молитв в святилище. Обязанности, которые ранее лежали на плечах Восточного дворца, император временно поручил первому принцу.

Первый принц уже несколько лет пребывал в собственном дворце за пределами стен Запретного города и за это время успел добиться немалых успехов при дворе. Стоило ему взяться за дело, как он всё организовал безупречно, чем снискал себе славу мудрого и рассудительного правителя.

Императорские кареты торжественно выстроились у ворот дворца; наложницы и принцы уже прибыли на место сбора.

Когда Ин Фушэн прибыл, он издали заметил карету наложницы Нин. Подойдя к ней, он почтительно произнёс:

- Матушка.

Наложница Нин ответила на приветствие Ин Фушэна с ледяным равнодушием. Вынужденная соблюдать приличия на глазах у всех, она лишь сильнее сжала ладони от сдерживаемой ненависти, заметив, что у Ин Фушэна теперь есть собственная карета. В то же время её родной сын из-за пустяковой ошибки находился под арестом и не мог присутствовать даже на таком важном событии, как молитва. Наложница Нин то и дело бросала косые взгляды на карету императрицы Сюй, и лишь окончательно убедившись, что экипажа Восточного дворца нет в виду, она окончательно пала духом.

Она резко развернулась и скрылась в карете, оставив Ин Фушэна стоять в полном одиночестве.

Многие из присутствующих с любопытством наблюдали за этой сценой. Служанка Бичжу произнесла:

- Госпожа в последнее время пребывает в беспокойном состоянии, здоровье её совсем подводит. А вы, Ваше Высочество, постоянно живете во дворце Милосердного Спокойствия, вот и отдалились от госпожи.

Затем она добавила, притворно заботясь:

- Погода нынче холодная, как бы вы не простудились, Ваше Высочество. Возвращайтесь.

В этих словах сквозил явный скрытый смысл: она упрекала Ин Фушэна в отсутствии сыновней почтительности из-за того, что он перестал возвращаться во дворец Бесконечной Радости. Окружающие, видя, как шестой принц застыл перед каретой, начали перешёптываться. Ин Фушэн слегка опустил глаза, а занавески кареты в этот момент окончательно закрылись.

- Что это с наложницей Нин?..

- Шестой принц так долго пробыл во дворце Милосердного Спокойствия, а поговаривают, что наложница Нин уже несколько дней как больна.

О том, что шестой принц проходит лечение во дворце Милосердного Спокойствия, знали все обитатели дворца. Теперь же окружающие невольно перевели свои взгляды на него. В последнее время по дворцовым коридорам ползли слухи о том, что наложница Нин занемогла, но шестой принц даже не пытался прислуживать ей у постели. Сегодняшняя сцена у кареты лишь подтвердила, что эти слухи не были беспочвенными. Вокруг зашумели приглушённые разговоры. Шестой принц, поклонившись карете, с бледным и утомлённым лицом ещё немного постоял в тишине, прежде чем медленно вернуться к своему экипажу.

Подойдя к своему экипажу, Ин Фушэн вновь ощутил на себе странные взгляды окружающих; многие смотрели на него с нескрываемым, почти жадным любопытством.

После того как с наследным принцем случилась беда, а евнух Сунъань передал весть во дворец Бесконечной Радости, наложница Нин внезапно объявила о своей болезни. Всё это слишком подозрительно совпадало с недавними событиями в гареме. Ин Фушэн прекрасно понимал истинный замысел наложницы Нин. В этой игре в «любящую мать и почтительного сына» он

разбирался куда лучше неё, да и терпения у него было значительно больше.

Игнорируя чужие взгляды, Ин Фушэн самостоятельно вошёл в карету и сразу заметил, что внутри была специально установлена угольная жаровня.

Слуга, отвечавший за управление каретой, увидев Ин Фушэна, поспешно склонился в глубоком поклоне:

- Ваше Высочество, если вам холодно, просто прикажите.

Шэнь Чанцунь был понижен до должности заместителя главы ведомства императорских конюшен, и подготовка карет теперь входила в круг его непосредственных обязанностей. Ин Фушэну было нетрудно догадаться, чьих это рук дело.

- Господин Шэнь позаботился, - негромко произнёс Ин Фушэн.

Кучер ответил:

- Ваше Высочество, это мой долг.

Карета принца плавно двинулась вперёд. Ин Фушэн приказал Сунъаню разжечь жаровню. Он редко покидал пределы дворца, поэтому, проезжая по городским улицам, с искренним любопытством наблюдал за оживлённой толпой.

Сунъань, глядя в окно, заметил:

- Ваше Высочество, снаружи сегодня так шумно.

- Ци Шэнь отправляется на север, конечно, будет шумно. Пока он там, Да Юань будет стоять, словно за железной стеной, - Ин Фушэн прислонился к оконной раме. Он лишь мельком взглянул на улицу... действительно, всё вокруг было оживлённо. Этот поход Ци Шэня обеспечит Да Юаню покой на несколько лет.

В прошлой жизни Ци Шэнь до самого конца оставался верным мечом императорской семьи, пока отец не заболел, во дворце не начались смуты, а на престол не взошёл новый император.

Тогда первыми, кто протянул ему руку помощи, стали люди из клана Ци.

Если бы всё шло так же, как в прошлой жизни, то после отъезда Ци Шэня из столицы Ци Ханьчжоу должен был возглавить парчовую гвардию. Начиная с покойного императора и заканчивая его отцом, клан Ци всегда верно служил только императорской власти, за одним-единственным исключением – новым императором. Когда тот взошёл на трон, клан Ци не присягнул ему, а напротив, возглавил мятеж, и предводителем этого восстания стал именно Ци Ханьчжоу.

Клан Ци был доверенным лицом императора, а авторитет Ци Шэня стоял выше самой армии Ци – его можно было назвать главной опорой всего клана. Ци Ханьчжоу, единственный сын Ци Шэня, был человеком, которого крайне трудно было разгадать. Прославившись ещё в юности, он не отправился на север совершать великие подвиги, а остался в столице, прозябая в парчовой гвардии и почти исчезнув из виду. Но Ин Фушэн знал: пройдёт всего несколько лет, и вся парчовая гвардия окажется в его руках, став тем самым острым клинком, который в будущем вонзится в сердце нового императора.

Нынешний Ци Ханьчжоу ещё не стал тем глубоким и расчётливым человеком из будущего, но после двух встреч Ин Фушэн понял: этот человек уже положил на него глаз.

«Точно так же, как и в прошлой жизни, – подумал он. – Чутьё, подобное псовиному... и в то же время самый полезный, самый острый клинок в распоряжении императорской семьи».

Ин Фушэн невольно разжал ладонь, а его взгляд стал совершенно непроницаемым, скрывающим все истинные мысли и расчёты.

Тем временем торжественная императорская процессия наконец прибыла к храму Защиты Государства.

Когда Ин Фушэн вышел из кареты, резкий холодный воздух немного развеял его накопившуюся сонливость, принося с собой бодрость. Сунъань, предугадывая нужды господина, поспешно протянул ему тёплую ручную грелку.

Им предстояло провести в этом священном месте два дня, посвятив их совершению молитв и воскуриванию благовоний в честь павших.

Едва он сошёл с подножки экипажа, как к нему приблизился седьмой принц. Сегодня тот был одет довольно скромно и сдержанно – после того досадного случая с испуганной лошадью на тренировочном поле он стал редко носить яркие украшения и броские одежды. Он едва заметно, почти неуловимо кивнул Ин Фушэну и, не проронив ни единого слова, молча удалился.

Карета первого принца стояла впереди всех. В последнее время, пока наследный принц находился под строгим арестом, первый принц демонстрировал свои лучшие качества, и влияние клана Юнь при дворе заметно возросло. Седьмой принц был родным братом первого, и между ними существовала очень тесная связь. Благородная супруга Юнь с достоинством вышла из кареты, и оба принца тут же встали рядом с ней. Ин Фушэн повернулся, собираясь подойти к наложнице Нин, но увидел, что служанка Бичжу уже под руку уводит её прочь, подальше от всех.

Сунъань тихо прошептал ему на ухо:

- Я хотел подойти, но сестра Бичжу увела госпожу, сказав, что той совсем нездоровится.

Ин Фушэн слегка согнул пальцы, прикрыв рот и притворившись, что его охватил лёгкий приступ кашля. Игнорируя любопытные и оценивающие взгляды окружающих, он вместе с Сунъанем медленно двинулся вперёд.

Министерство обрядов с большой тщательностью подготовило святилище воинов, а монахи храма Защиты Государства уже начали проводить торжественные обряды упокоения душ. Впереди всех величественно шествовали вдовствующая императрица и императрица, за ними следовали принцы, наложницы и родственники высокопоставленных сановников, которые по очереди воскуривали благовония.

Сунъань оказался здесь впервые и вёл себя крайне осторожно, почти робко, боясь совершить малейшую ошибку или нарушить этикет. Он был предельно внимателен к Ин Фушэну и, узнав у монахов, где именно находится аптека, собрался идти готовить необходимые лекарства.

Как только он ушёл, вокруг Ин Фушэна воцарилась тишина. Посидев в этом спокойствии некоторое время, он решил немного прогуляться, чтобы развеяться.

Храм Защиты Государства стоял на этом месте уже много лет, укрывшись в густых лесах на окраине столицы. За долгие века он неоднократно перестраивался и расширялся поколениями сменявших друг друга императоров.

В уединённой, скрытой от посторонних глаз части заднего двора стоял старец в простом монашеском одеянии. Вокруг него суетились и прыгали птицы, и даже несколько диких обезьян чувствовали себя здесь совершенно спокойно.

Ин Фушэн заметил, что обезьяны совсем не проявляли своей природной дикости, а смиренно ели прямо из рук настоятеля, в чаше которого было лишь немного зерна. От нечего делать он остановился и долго, с интересом наблюдал за этой идиллической картиной. Настоятель же, казалось, давно заметил его присутствие, но не торопился прерывать молчание.

- В горах обитает множество живых существ, - заговорил старец. - Обычно, когда они голодны, то приходят в храм просить немного еды.

Настоятель слегка, с почтением поклонился Ин Фушэну и протянул ему простую глиняную чашу:

- Ваше Высочество, не хотите попробовать?

Поняв, что его узнали, Ин Фушэн на мгновение помедлил, но вскоре подошёл ближе. Взяв чашу из рук настоятеля, он осторожно выбрал несколько зёрен, и птицы, не чувствуя угрозы, опустились ему прямо на руки. Настоятель оставался совершенно невозмутимым, с тихой улыбкой наблюдая за тем, как Ин Фушэн умело и терпеливо кормит птиц.

Видя, как юноша спокойно взаимодействует с ними, держа ладонь открытой и оставаясь неподвижным до тех пор, пока птицы не склевали всё до последнего зёрнышка, настоятель произнёс:

- Ваше Высочество - добрый человек.

Ин Фушэн смотрел на маленьких птиц, в которых не было ни капли агрессии, и интерес к кормлению у него постепенно угас:

- Добрым меня не назвать, - ответил он. - Просто я когда-то держал сокола.

В этот самый момент с серого неба упало несколько первых капель дождя.

Ин Фушэн замер и слегка поднял голову, чувствуя влагу на коже.

- В горах часто бывают внезапные ветры и дожди, пройдёмте внутрь, Ваше Высочество, - настоятель указал путь к основным строениям.

Ин Фушэн прошёл через две длинные галереи и, переступив порог помещения, внезапно остановился.

В гостевом зале царил глубокая тишина, и лишь перед статуей Будды медленно вились тонкие струйки благовоний. Императрица Сюй, сложив ладони в молитвенном жесте, сидела на коленях на полу, облачённая в простое, лишённое украшений одеяние. Опустив голову, она молилась с глубочайшим благоговением. Будучи императрицей, она осталась здесь совершенно одна, без единого слуги, а свечи перед ней почти догорели - это означало, что она пребывала здесь уже очень давно. Ин Фушэн хотел было развернуться и уйти, чтобы не тревожить её, но императрица Сюй в этот момент обернулась и увидела его.

- Ваше Величество императрица, - Ин Фушэн почтительно поклонился.

Императрица на мгновение задержала на нём свой взгляд, едва заметно кивнула и тут же посмотрела на сопровождавшего его монаха:

- Мастер Ляочжи.

Услышав, как императрица обратилась к нему, Ин Фушэн мгновенно вспомнил, кто именно стоит перед ним - великий мастер Ляочжи, высокопоставленный монах храма Защиты Государства и бывший государственный наставник Да Юаня.

- Матушка! Там в горах такие большие птицы, я тоже хочу таких! - восьмой принц вприпрыжку, с детским восторгом вбежал в зал и, собираясь броситься в объятия императрицы, чуть не врезался в Ин Фушэна, стоявшего у самого входа.

Ин Фушэн плавно отступил на шаг в сторону, слегка уклоняясь от стремительного натиска младшего брата.

Глядя на восторженного восьмого принца, он внезапно осознал, почему для кормления птиц была использована именно чаша. Восьмой принц был известен во всём городе своей неуёмной

любовью к крупным птицам, и эта простая глиняная чаша, вероятно, была приготовлена специально для него, чтобы удовлетворить его пристрастие.

Поскольку наследный принц находился под строгим арестом и не мог покинуть пределы дворца, императрица Сюй взяла с собой восьмого принца.

Мальчик с шумом подбежал к матери. Императрица мягко остановила его, и на её лице на мгновение промелькнуло выражение глубокой беспомощности. Она тихо, но строго сделала ему замечание, напомнив, что в священном зале Будды нельзя шуметь и вести себя развязно. Затем она с извиняющейся улыбкой обратилась к монаху:

- Восьмой принц слишком озорной, - произнесла она. - Надеюсь, он не слишком побеспокоил мастера?

Великий мастер Ляочжи ответил с безмятежной улыбкой:

- Восьмой принц искренен и непосредственен, а в этом кроется истинное счастье. Я как раз случайно встретил шестого принца, и мои дела в горах уже подошли к концу.

Императрица Сюй опустила взгляд и заметила на рукавах одеяния Ин Фушэна несколько прилипших крошек зерна. Узнав, что именно он помогал кормить птиц, она заметно смягчилась, и в её глазах промелькнула тень тепла. Когда она была спокойна, её истинные эмоции было крайне трудно прочесть, но великий мастер Ляочжи, обладавший проницательностью, казалось, что-то заметил и мягко указал путь:

- Раз уж вы все здесь собрались, а мои дела закончены, прошу вас, пройдёте за мной.

Императрица наклонилась к восьмому принцу и ласково, но твёрдо сказала:

- У меня есть важные дела, поэтому оставайся здесь и, заклинаю тебя, не балуйся.

Восьмой принц, недовольно надув губы, тихо пробормотал:

- Хорошо.

Ин Фушэн, оставаясь в стороне, молча наблюдал за тем, как императрица Сюй общается с восьмым принцем, терпеливо ожидая своего часа.

Снаружи ветер становился всё более резким, а дождь – пронизывающе холодным. Неподалёку императрица Сюй с материнской нежностью и осторожностью стряхивала с одежды восьмого принца прилипшие веточки и пыль, и её тихий шёпот был полон бесконечной любви. Казалось, тени двух их фигур, отражавшиеся в мягком, дрожащем свете ламп зала Будды, медленно покачивались в такт порывам ветра.

Ин Фушэн лишь мельком взглянул на эту идиллическую картину и тут же отвёл взгляд, возвращая себе привычную маску равнодушия.

Смеркалось, и холод с каждой минутой усиливался, пробираясь под одежду.

Он плотнее запахнул свой халат, защищаясь от сквозняков, и посмотрел на выход из зала.

Лес вокруг погрузился в глубокую, гнетущую тишину; стремительно приближалась ночь.

Императрица Сюй последовала за мастером внутрь, и когда она окончательно скрылась в галерее, фигура Ин Фушэна постепенно растворилась в сгущающихся сумерках.

Это мимолётное, почти небрежное наблюдение императрицы не ускользнуло от внимания великого мастера Ляочжи, который тихо заметил:

- У Вас на сердце тревога, Ваше Величество.

- Шестой принц добр, он в чём-то очень похож на Вас, – мастер шёл впереди, его голос оставался спокойным и ровным, но слова звучали так, будто он видел душу собеседницы насквозь. – Раньше, когда маленькие монахи кормили птиц, Вы всегда дарили им сладости. Сегодня, когда я пришёл, некоторые из них всё ещё крутились вокруг меня, с надеждой говоря, что очень хотят увидеть Вас.

Императрица, услышав эти слова, заметно помрачнела и опустила взгляд на маленький, расшитый парчой мешочек, висевший у неё на поясе:

- Сегодня я забыла взять сладости.

Императрица Сюй всегда носила с собой немного еды и лакомств – это была привычка, выработанная ею за долгие годы заботы о наследном принце с самого его детства: лекарства,

которые ему приходилось принимать, были невыносимо горькими, и только сладости помогали избавиться от этой горечи.

Великий мастер Ляочжи не стал прямо указывать на странное, почти отчуждённое отношение императрицы к Ин Фушэну. Он лишь тихо прошептал несколько буддийских молитв, призывая покой, и спросил:

- Вы пришли сегодня, чтобы зажечь поминальную лампу для наследного принца?

В зале Будды вновь воцарилась тишина. Как только императрица ушла, восьмой принц, который всё это время молчал, пристально уставился на Ин Фушэна.

После того случая, когда его толкнули на тренировочном поле, его отношение к Ин Фушэну стало крайне сложным и противоречивым. Он несколько раз пытался завязать разговор с этим братом, но тот оставался холодным и систематически игнорировал его. Видя, что Ин Фушэн собирается уходить, восьмой принц долго мялся, переминаясь с ноги на ногу, прежде чем наконец выдать из себя:

- Спасибо за тот день на тренировочном поле.

Ин Фушэн слегка повернул голову, придав лицу выражение лёгкого недоумения, словно он совершенно не расслышал сказанного:

- Что?

Восьмой принц недовольно поджал губы и, набрав в грудь воздуха, громко повторил:

- Я сказал «спасибо»!

Ин Фушэн сделал вид, что внезапно всё понял:

- Восьмой брат, не стоит благодарности, - спокойно ответил Ин Фушэн.

В зале Будды непрерывно горели огни. В храме Защиты Государства было принято зажигать бесчисленные молитвенные лампы, дабы просить небеса о мире, спокойствии и всеобщем благополучии.

Взгляд Ин Фушэна на мгновение дрогнул. Снаружи дождь, казалось, лишь усилился; его

монотонный шум теперь напоминал гул бурного, неукротимого потока. В горах, за пределами уютного зала, людей с зонтами и фонарями становилось всё меньше – холод выгонял их прочь.

Ветер завывал всё сильнее, дождь становился плотнее, и ночь медленно, но неотвратимо становилась глубже.

Восьмой принц заметил, что Ин Фушэн пристально смотрит на мерцающие молитвенные лампы, и, словно внезапно найдя подходящую тему для разговора, продолжил:

- Ты ведь почти никогда не выходил из дворца, так что наверняка не видел ничего подобного, верно? Прямо за этим залом Будды есть место, куда приходят просить о помощи все наложницы и министры. Ты такой слабый и болезненный... может, попросишь наложницу Нин зажечь для тебя побольше ламп, чтобы ты наконец перестал болеть?

- Зажечь лампу?.. - Ин Фушэн странным, почти отрешённым тоном повторил эти слова и медленно перевёл взгляд на младшего брата.

Восьмой принц искренне удивился такой реакции:

- А что такое?

Ин Фушэн внезапно, едва заметно улыбнулся:

- Да, ты прав. Она действительно должна зажечь для меня побольше ламп.

Он небрежно прислонился к дверному косяку, и его пронизательный взгляд теперь был полностью устремлён на восьмого принца:

- Раз уж нам всё равно делать нечего, может, пойдём и посмотрим на эти лампы?

Молитвы в храме Защиты Государства были событием исключительной важности, и порядок посещения был строго регламентирован: родственники сановников могли приступить к обрядам только после того, как закончат члены императорской семьи.

В маленьком, уединённом зале Будды, что располагался за основным храмом, женщина медленно опустила зонт и вошла внутрь. Её одежда уже успела изрядно промокнуть от дождя. В отличие от большинства знатных дам, привыкших к роскоши, на подоле её платья виднелись аккуратные заплатки, а края ткани были застираны добела – один лишь этот вид безошибочно

говорил о том, что она происходит из крайне бережливой семьи. За ней тенью следовала молодая девушка. Войдя в зал, они первым делом зажгли лампу, а затем с благоговением воскурили благовония перед алтарём.

В помещении было светло, и каждый раз, когда в открытые двери врвался порыв ветра, пламя ламп в зале тревожно дрожало.

Мать и дочь молились с искренним, глубоким благоговением, погружённые в свои мысли.

Когда Ин Фушэн вошёл в зал, там находились только они. Он слегка опустил глаза, отметив про себя нарочито простую одежду женщины. Восьмой принц, видимо, совсем не ожидал встретить здесь кого-то в такой час и, войдя, не мог отвести любопытного взгляда от незнакомок:

- Почему здесь кто-то есть?

Женщина первой заметила присутствие восьмого принца. Появление любого члена императорской семьи всегда сопровождалось шумом и суетой, и даже если сегодня принц был одет просто, его врождённую ауру императорского отпрыска было трудно не распознать. Женщина на мгновение замерла, а затем вместе с дочерью низко поклонилась:

- Эта подданная приветствует Ваше Высочество.

Восьмой принц помнил лишь о том, что привёл Ин Фушэна посмотреть на лампы, поэтому он небрежно махнул рукой, разрешая им подняться, и тут же обернулся к старшему брату:

- Иди сюда.

Ин Фушэн заметил, что мать и дочь с осторожностью смотрят на него, и слегка, почти незаметно кивнул в знак приветствия.

Женщина помедлила секунду, а затем снова поклонилась, на этот раз уже Ин Фушэну.

Одного короткого взгляда было достаточно, чтобы Ин Фушэн мгновенно понял, кто перед ним. Одежда женщины была предельно простой, но стиль её запястий и обуви кардинально отличался от столичной моды - они были плотно обмотаны тканью для защиты от пронизывающих ветров, что было характерно исключительно для жителей северных рубежей.

Это была госпожа Ху, законная жена префекта Аньлуна Ху Бую. Они были знакомы с самого детства.

Через Шэнь Юньфэя Ин Фушэн успел узнать немало важных новостей.

Префектура Аньлун располагалась на северо-западе и являлась единственным стратегическим путём к северным землям. Будучи местным чиновником, Ху Бую был вынужден постоянно взаимодействовать с пограничными войсками, что само по себе было крайне непростой и опасной задачей. Но Ху Бую был человеком неординарным: он стал доверенным лицом отца Ин Фушэна ещё до того, как тот взойшёл на престол, сопровождал его долгие годы и в итоге был назначен префектом Аньлуна.

Когда отец вернулся в столицу, семья префекта Ху последовала за ним. При дворе шептались, что это была заслуженная награда за верность и достижения во время войны. Однако для Ин Фушэна Ху Бую был «старым лисом», который с момента воцарения императора тихо и незаметно сидел в Аньлуне, почти не ввязываясь в дворцовые интриги и мастерски сохраняя нейтралитет.

Удерживать столь ключевую позицию в Аньлуне на протяжении десяти лет было невозможно одной лишь бережливостью. Ху Бую был невероятно расчётлив и умел поддерживать хорошие отношения со всеми сторонами. Многие пытались договориться с ним или переманить на свою сторону, но он твёрдо и непоколебимо держался за милость императора. Уже одно это свидетельствовало о том, что он был личностью куда более сложной и глубокой, чем казалось на первый взгляд.

После приезда жены и дочери в столицу император не обещал им никаких официальных должностей, поэтому они жили уединённо и крайне редко появлялись в светском обществе.

Сегодняшний день стал исключением – посещение святилища воинов требовало обязательного присутствия родственников чиновников.

Ин Фушэн опустил глаза, тщательно скрывая свои истинные мысли за маской спокойствия.

Его истинной целью в этом храме были именно они.

<http://bllate.org/book/18055/1731088>